

Возвращение блудного офшора

[Наталья Югринова](#) | Дата публикации: 14, Июл 2014

Крестовый поход против офшоров, объявленный мировым сообществом пятнадцать лет назад, набирает размах и в России. Задача — минимизировать вывод денег и бизнеса из страны. На подходе тяжелая артиллерия: жесткие налоговые санкции для компаний, прописавшихся на «райских» островах, и законопроекты, способные пробить брешь в стене конфиденциальности офшорных юрисдикций. Но чтобы военные действия возымели эффект, нужно подготовить тыл — создать в стране нормальные условия для возвращения бизнеса.

Деофшоризация придумана не в России и протекает вполне в контексте глобальных процессов. Бороться с выводом активов в неконтролируемые экономические зоны и особенно с уводом доходов из-под налогообложения — нормальная практика в любой развитой стране мира. Только сразу стоит оговориться, что противостоят государства и правительства не офшорам как явлению, а разнообразным финансовым махинациям, которые те позволяют совершать. Лучшее других идейный посыл такой борьбы резюмировал канцлер казначейства Великобритании Джордж Осборн: «Если вы бегаєте от налогов, мы до вас доберемся». По задумке, точечные удары наносятся только по тем офшорам, которые используются для управления благосостоянием — то есть целенаправленно создаются для формирования в них центра прибыли и структуризации капитала. Именно через такие компании осуществляются многоступенчатые схемы по выводу капитала из развитых экономик, отмыванию денег и уклонению от уплаты налогов.

Офшор, откройся!

Война с офшорами — дело поистине планетарного масштаба. В мире в настоящее время существует около 70 финансовых центров, имеющих те или иные признаки офшора. Другими словами, каждая третья страна на глобусе — офшор, а каждая вторая мечтает им стать. В одной только британской юрисдикции насчитывается 12 офшоров, в зоне ЕС их как минимум 10. Собственные филиалы «налогового рая» есть у США, причем как островные (Карибы, Виргинские острова), так и континентальные (Делавэр, Невада, Вайоминг). К слову, в авангарде борьбы с офшорным уклонизмом находятся именно Северная Америка и Великобритания. Последнее в своем роде иронично — учитывая британское происхождение пагубной налоговой конкуренции. Офшоры

возникли тогда, когда крупнейшая колониальная держава мира прекратила выделять своим островным территориям значительные денежные ассигнования. В ответ те попросту начали перетягивать бизнес из стран с высоким налоговым бременем — и сделали это основным принципом своего существования.

\$21–32 ТРЛН

было укрыто в офшорных юрисдикциях
за последние 40 лет, по подсчетам Tax Justice
Network

Соотношение сил в войне теперь явно не в пользу офшорного мира. В последние пять лет давление со стороны государств и международных организаций на офшорные юрисдикции, банки и провайдеров юридических услуг стало поистине беспрецедентным. Свою роль в этом сыграл мировой финансовый кризис: экономики стали искать способы пополнить бюджеты, пострадавшие от рецессии. Один из действенных приемов получить солидную «прибавку» к государственным доходам — отследить офшорные схемы, найти согрешившие компании и все-таки обложить их налогом. В 2011 году, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), преследование офшоров помогло вернуть в бюджеты различных государств почти €14 млрд. Правда, по сравнению с размером общего убытка от деятельности офшоров и прочих налоговых уклонистов вернуть удастся сущие копейки. Этот убыток впечатляет — €2,3 трлн в год, как посчитала международная неправительственная организация Tax Justice Network в докладе «Цена офшора». При этом общий объем средств, которые находятся на незадекларированных офшорных счетах, по подсчетам организации, достигал в 2011 году как минимум €15 трлн.

В России ситуация несколько иная: у нас, как и на большинстве развивающихся рынков, офшоры используют в первую очередь для сокрытия конечного бенефициара в схемах финансово-промышленных групп. Первая задача нашей деофшоризации — эту информацию раскрыть. И, скорее всего, устроить публичную порку паре–тройке особо провинившихся персоналий. «Информация о бенефициарах нужна российским властям для того, чтобы оказывать на бизнес давление, — считает Сергей Алексашенко, директор по макроэкономическим исследованиям Высшей школы экономики. — Раскрытие этой информации может оказаться болезненным для предпринимателей, особенно если в дальнейшем все офшорные компании заставят перерегистрироваться в России. Риски отъема собственности вырастут многократно».

Наступление на налоговые убежища началось еще в 1998 году. В изданном ОЭСР докладе «Пагубная налоговая конкуренция» впервые были описаны признаки неблагонадежных с точки зрения надзора за финансовыми рынками юрисдикций. Антиофшорную кампанию продолжило появление многочисленных «черных списков» проблемных стран. Мировое сообщество стало ориентироваться главным образом на два из них — список Специальной группы по финансовому действию (FATF) и список ОЭСР. Кроме этого, у каждого государства имеется свой собственный перечень офшоров (в России он утвержден приказом Минфина в 2007 году). В список FATF формально входят не офшоры, а страны, не соответствующие международным стандартам противодействия отмыванию денег. На июнь 2014 года в «черной» зоне числилось всего два государства — Иран и КНДР. В «серой», предусмотренной для стран с серьезными пробелами в антиотмывочной деятельности,

значатся Алжир, Эквадор, Эфиопия, Индонезия, Мьянма, Пакистан, Сирия, Турция и Йемен. Список ОЭСР изначально включал 35 стран, которые пренебрегали требованиями по международному обмену налоговой информацией. К концу 2012 года в «черный список» не входила уже ни одна юрисдикция, а в «сером» остались лишь Науру и Ниуэ, не подписавшие с ОЭСР ни одного соглашения. Остальные сколько-нибудь значимые регионы, привыкшие зарабатывать на финансовых услугах иностранным резидентам, предпочли поступиться принципами и приложить все усилия к выходу из списков.

Время «легких» офшоров, когда они служили простым и универсальным средством решения многих проблем бизнеса, прошло. Налоговые гавани стали прозрачнее, но вместе с тем сложнее и дороже в использовании. Однако «острова» все равно побеждают континентальные юрисдикции в скорости работы и вопросах правовой защиты

Причина того, почему офшоры так легко расстаются с одними из главных атрибутов «налогового рая» — анонимностью бенефициаров и простотой регистрации и обслуживания бизнеса, — кроется в боязни более жестких мер регулирования. Постепенно они и вправду ужесточаются: так, в 2010 году США приняли акт «Об обязательном раскрытии информации об иностранных счетах», а с 1 января 2014-го вступил в силу закон о налоговом соответствии иностранных счетов FATCA. Он обязывает налогоплательщиков США, имеющих финансовые активы за границей совокупной стоимостью более \$50 тыс., предоставлять информацию о них налоговым органам. А иностранные финансовые учреждения, подписавшие требования FATCA, должны напрямую докладывать налоговым службам США о финансовых счетах американских граждан. Свой план противодействия размыванию налоговой базы и перемещению прибыли в низконалоговые страны опубликовала в 2013 году и ОЭСР. В этом документе организация описывает и анализирует некоторые применяемые налогоплательщиками схемы, а также перечисляет меры, которые будут разработаны и рекомендованы государствам к применению. План стал одним из настольных документов Глобального форума по прозрачности и обмену информацией, осуществляющего свою деятельность под эгидой ОЭСР и насчитывающего уже 110 членов. Именно в рамках Форума организация склоняет к сотрудничеству ранее не желавшие делиться информацией страны.

Справедливости ради стоит сказать, что никто не отказывает офшорам как таковым в праве на существование. ОЭСР и другие регулирующие организации не покушаются на такие базовые элементы успеха офшоров, как уровень налогов и фискальных платежей или нюансы корпоративного права. Они лишь настаивают на том, чтобы «островитяне» внимательнее следили за соблюдением офшорным бизнесом законов тех стран, в которых он ведет операционную деятельность, и сообщали о случаях нарушения этих законов. А еще намекают, что лучше передать функции преследования и наказания им — и заодно всячески сотрудничать в вопросах обмена информацией.

Время от времени охота на офшоры переходит в агрессивную фазу. В апреле 2013 года Международный консорциум журналистов заявил об утечке данных с офшорными транзакциями. Почти 400 гигабайт информации о переводах наличных средств, бенефициарах и задействованных юрисдикциях было передано на изучение объединенной комиссии США, Великобритании и Австралии. В результате удалось выявить миллионы эпизодов отмывания крупных сумм и проследить их происхождение до сотен конкретных компаний. Налоговые управления всех стран, присоединившихся к охоте, завалены делами об офшорах: только в США с 2010 года было проведено более семи тысяч расследований по данной проблеме.

Правда, все эти инициативы способны защитить от налоговых махинаций только отдельные государства. «Мероприятия, которые проводятся в ОЭСР, больше направлены на защиту интересов

развитых стран, — указывает на недостатки антиофшорной кампании Александр Захаров, партнер Paragon Advice Group (кстати, именно ему принадлежит авторство термина «деофшоризация»). — Развивающиеся страны и даже страны БРИКС не рассматриваются как партнеры в этом движении». Неким прорывом в этой области должен стать автоматический обмен налоговой информацией, стандарты которого согласованы более чем 40 странами. Однако сложившаяся геополитическая ситуация — в первую очередь санкции Запада — тормозит участие России в этом процессе. Правда, в июне, несмотря на все отсрочки и охлаждения в отношениях с Евросоюзом, законопроект о ратификации соответствующей Конвенции ОЭСР все-таки был внесен в Госдуму.

Мутации и миграции

Первые результаты курса на «всеобщую деофшоризацию» проявляются исподволь, но неуклонно. Офшоры уже «не те»: налоговые гавани стали прозрачнее, но вместе с тем сложнее в использовании.

— Офшорная индустрия кардинально изменилась за последнее десятилетие. Нововведения, которые раньше казались невозможными, теперь в порядке вещей, — отмечает Сергей Назаркин, партнер юридической компании Amond & Smith. — К примеру, некоторые классические офшорные юрисдикции ввели у себя требования по предоставлению зарегистрированному агенту адреса хранения финансовой документации компании. Это означает, что собственники офшоров должны сообщить адреса, по которым у них хранятся выписки по счетам, контракты и инвойсы. Не исключено, что в будущем эта информация может быть использована в качестве доказательной базы по налоговым правонарушениям или, скажем, для определения налогового резидентства компаний. Профессиональные посредники под давлением регуляторов тоже ужесточают требования. Открыть офшорную компанию по копии паспорта, как раньше, сейчас невозможно. Для регистрации придется предоставить большой перечень сведений и документов, касающихся как самой создаваемой компании, так и бенефициара, а также резидентного бизнеса. В отдельных случаях агенты могут затребовать рекомендательные письма и даже документы, подтверждающие источники дохода собственника.

Усложнения в работе с офшорными компаниями не могут не сказаться на стоимости их содержания. Если раньше владельцы компаний не слишком задумывались о налоговых последствиях разных сделок и не просчитывали риски — в «офшорке» они прятались, как «в домике» за семью замками, — то сейчас любую серьезную сделку необходимо согласовывать с юристами и бухгалтерами. Понятно, что цену юридических консультаций приходится приплюсовывать к стоимости ведения бизнеса. Обслуживание счетов тоже становится дороже: банки поднимают тарифы на офшорные переводы и зачастую вводят дополнительные требования — например, по наличию неснижаемого остатка на счету.

Офшоры видоизменяются и мутируют. Теперь для достижения прежних целей по оптимизации налоговых расходов и защите активов приходится использовать более сложные юридические конструкции. Чем хитрее и запутаннее такая схема и чем больше в ней дополнительных элементов в виде компаний, трастов и фондов, тем, понятно, она дороже в создании и поддержании, говорит Александр Захаров. Конфиденциальность обходится выгодоприобретателям офшоров недешево, но ее можно добиться даже в условиях прессинга ОЭСР. «Уже сейчас появляются новые корпоративные формы, которые полностью отказываются от привязки компании к конкретным бенефициарам и действуют по совершенно другим принципам, — например, безбенефициарные частные фонды», — добавляет Петр Ардашев, юрист департамента международного налогового планирования юридической компании «Клифф».

Чем больше оборот, тем офшорнее собственник

Источник: Международная школа бизнеса Финансового университета

Впрочем, желающих лезть на рожон и «прятаться в офшоре» от налоговых претензий все-таки становится меньше. Офшорный рынок очищается: грубые схемы уклонения от налогообложения отходят в прошлое, количество мелких и средних владельцев сокращается — им проще решить проблемы на местах, чем пользоваться дорогими и неудобными форматами бизнеса. Офшоры становятся частью схемотехники более крупного бизнеса. «Традиционно налоговые гавани решали несколько задач, — поясняет Дмитрий Кленов, партнер UFG Wealth Management, — обеспечивали гибкость в ведении бизнеса, конфиденциальность и позволяли проводить налоговую оптимизацию. Мотив минимизации налогов у предпринимателей сегодня уходит на второй план. Гораздо более важным для бизнеса становится операционное и правовое удобство ведения дел через офшорную юрисдикцию». Для российских бизнесменов особенно ценно, что офшоры дают возможность участия в международной торговле и предоставляют доступ к иностранным банкам.

Райские куши

Вместе с целями меняется и подход предпринимателей к выбору юрисдикции. С началом рецессии инвесторы отдают предпочтение более «стабильным» офшорам: зарегулированным, но в то же время с довольно либеральной налоговой системой — например, Люксембургу и Нидерландам. Работать с ними проще и надежнее из-за более высокой прозрачности бизнеса, а ради собственного спокойствия приобретатели компаний готовы даже взять на себя дополнительную налоговую нагрузку. «Многие наши клиенты обращают внимание в первую очередь даже не на конкретные налоговые ставки, а на общий престиж страны в деловых кругах, — говорит Сергей Назаркин. — Тут важен имидж офшора. Некоторые деловые партнеры могут просто не захотеть строить отношения с классическими офшорными структурами».

«Офшоризация» часто была для российского бизнеса вынужденной мерой, на которую шли ради защиты активов от рейдеров, силовиков и коррумпированных чиновников. Теперь бизнесу настойчиво предлагают вернуться на Родину. А та, между тем, ничуть не стала безопаснее с точки зрения защиты собственности

В частности, с имиджевыми проблемами, во многом вызванными банковским кризисом прошлого года, столкнулся Кипр — незаменимый офшорный спутник российской экономики. В результате «стрижек» по незастрахованным депозитам тысячи клиентов потеряли свои деньги. Два крупнейших системообразующих кипрских банка Bank of Cyprus и Laiki Bank реструктуризовали, а их активы заморозили. В период кризиса был зафиксирован рекордный отток средств с операционных и депозитных счетов. В Amond & Smith утверждают, что в пиковые дни банкиры работали без выходных и чуть ли не круглосуточно, перевода счета из кипрских банков в финансовые институты Прибалтики, Лихтенштейна, Швейцарии. Сектор корпоративных услуг напрямую не пострадал, но скорее попался под горячую руку. Чтобы как-то пополнить бюджет, государство увеличило ставку налога на прибыль с 10 до 12,5%, на оборону по пассивному процентному доходу с 15 до 30%, на добавленную стоимость до 18%. Нельзя сказать, что владельцы кипрских офшоров бросились перерегистрировать компании в других юрисдикциях, однако общее количество сделок по открытию новых компаний несколько уменьшилось. В качестве дешевых альтернатив Кипру аналитики предлагают Мальту, Венгрию и другие юрисдикции. Так, в Венгрии общая ставка корпоративного налога сравнима с кипрской (10% для доходов до €1,6 млн, выше — 19%), действует аналогичное Кипру налоговое освобождение для роялти и дивидендов.

Впрочем, даже с пошатнувшейся респектабельностью Кипр остается чрезвычайно популярной низконалоговой юрисдикцией из-за большой сети соглашений об избежании двойного налогообложения и взаимной правовой помощи, членства в ЕС, простых процедур администрирования. Это «земля обетованная» для крупных российских холдингов, поскольку здесь (как в Нидерландах и Люксембурге) по-прежнему сохраняются преимущества по налогообложению выплат пассивных доходов из России.

— Выросшая до 12,5% ставка дохода на прибыль совершенно не влияет на дивидендный доход, который на Кипре вообще не подлежит налогообложению, — поясняет Александр Захаров (Paragon Advice Group). — Кроме того, здесь нет налогов у источника, что дает возможность выплачивать с его территории в любую страну дивиденды, проценты и роялти без налогообложения и ограничений. Кипрские компании очень дешевы: их можно приобрести за €4 тыс. По этим причинам большого оттока компаний отсюда не наблюдается. По простоте работы Кипр просто незаменим. Пожалуй, из по-настоящему крупного бизнеса только Mail.Ru решила перенести свою холдинговую компанию с Кипра в Нидерланды — но за ней мало кто последовал. Многие просто

открыли счета в безопасном кипрском банке Hellenic, который был освобожден от антикризисных мер, и продолжили нормальную работу через эту юрисдикцию.

От повторения «кипрского сценария» не застрахован ни один офшор. Растущая прозрачность совсем не гарантирует их стабильность для бизнеса. «Говорить о стабильности, — подчеркивает Захаров, — можно только в тех странах, которые имеют реальное производство или понятную экономику. Большинство островов к такой категории не относится». В качестве примера можно вспомнить новогодний переполох в Панаме, когда под финал уходящего 2013 года правительство внезапно приняло закон по налогообложению доходов всех резидентов и нерезидентов как на территории страны, так и за ее пределами. Иностранцы регистрируют компании в Панаме во многом именно из-за возможности не сдавать отчетность и не платить налоги в отношении доходов с иностранных источников. Позднее выяснилось, что тревога была ложной: закон приняли в предпраздничной суете по ошибке. Все его положения были аннулированы.

Путь домой

Воевать с офшорами в России — все равно что пытаться отрубить себе руку, ногу, а то и добрую половину собственного тела. Так называемые материнские компании, зарегистрированные в любой зоне удобной юрисдикции, — настоящие столпы российской экономики. Здесь они контролируют все и вся. В декабре 2013 года президент РФ в своем послании Совету Федерации привел цифры, которые красноречиво говорят о степени офшоризации страны. В 2013-м через офшоры прошло \$111 млрд — пятая часть всего российского экспорта. Половина из \$50 млрд российских инвестиций в другие страны также пришлась на офшоры. По сведениям Росстата, в большой пятерке крупнейших инвесторов в нашу страну — сплошные офшорные и низконалоговые юрисдикции: Швейцария, Кипр, Великобритания, Люксембург, Нидерланды. Через них в Россию только в прошлом году вложено в совокупности почти \$100 млрд. Понятно, что часть из них — «облагороженные» в налоговых гаванях российские же средства, которые возвращаются на родину под видом иностранных инвестиций и получают здесь налоговые льготы и преференции. С одной стороны, офшоры действительно помогают организовать «коридор» по выводу честно и нечестно нажитого дохода и уклонению от налогов. С другой — для сколько-нибудь заметного российского бизнеса они являются необходимостью, поскольку защищают собственников от рейдерских атак. Наконец, уничтожение офшоров перекроет кран с иностранными инвестициями — и не факт, что внутренних от этого станет больше.

Тем не менее государство всерьез взяло курс на деофшоризацию, объявленный президентом в 2012 году. За два года в правительстве сформировали целый пакет антиофшорных законопроектов, которые должны создать механизмы контроля деятельности российских компаний, зарегистрированных в «налоговых гаванях». Очевидно, что власти предпочли выбрать стратегию кнута, а не пряника. В июне Минэкономразвития представило поправки к закону о контрактной системе, которые фактически закрывают доступ к госзакупкам для компаний из низконалоговых юрисдикций. Участвовать в тендерах они смогут, только если раскроют информацию обо всех бенефициарах — лицах, которые владеют более чем 10% голосующих акций или доли компании. Но даже при этом условии офшоры заполучат сделок не больше чем на десятую часть общей цены контракта. «Непрозрачные» российские компании с неизвестными офшорными владельцами постепенно оттираются от госзаказа.

Взаимная любовь

Наиболее популярные в России офшорные и низконалоговые юрисдикции

ЮРИСДИКЦИЯ	СТАВКА НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ	НАЛОГ С ДИВИДЕНДОВ И ИСТОЧНИКА	СТОИМОСТЬ РЕГИСТРАЦИИ	МИНИМАЛЬНЫЙ УСТАВНОЙ КАПИТАЛ
Кипр	12,5%	0	4 тыс. евро	1 тыс. евро
Люксембург	29,22% (общий корпоративный налог)	15% (за счет соглашений об избежании двойного налогообложения, можно снизить до 5%)	От 8 тыс. евро	12,5 тыс. евро для ООО, 31 тыс. евро для АО
Нидерланды	20% при прибыли до 200 тыс. евро, 25% при прибыли свыше 200 тыс. евро		От 12 тыс. евро	Любая сумма, обычно 100 евро

Источник: Рэнди Алфа Гоше

«Побед» на этом фронте пока немного, но процесс, похоже, запущен. В мае 2014 года стало известно о том, что в Россию из голландского офшора возвращается АвтоВАЗ. О его грядущей перерегистрации объявил директор госкорпорации «Ростех» Сергей Чемезов. Как ожидается, контрольный пакет АвтоВАЗа будет принадлежать альянсу Renault — Nissan в прямом владении (сейчас управление российским автопроизводителем осуществляется с помощью совместного предприятия), а «Ростеху» отойдет блокпакет.

Но диалог между властью и бизнесом не всегда проходит гладко. Основные дебаты сегодня развертываются вокруг законопроекта «О контролируемых иностранных компаниях», который переживает уже третью редакцию. Он направлен на ликвидацию тех самых «компаний-кошельков», с которыми с разной степенью успешности борются во всем мире, — когда конечные собственники, в руках которых сосредоточена существенная доля владения, «сливают» в офшор доходы и распоряжаются ими, словно своими собственными. Если законопроект вступит в силу, доход иностранной компании с российскими собственниками — так называемыми контролирующими лицами — при соблюдении определенных условий может быть обложен российскими налогами по ставке 20%. О целесообразности подобной инициативы никто особенно не спорит. Но и бизнес, и специалисты по международному налоговому праву сомневаются в работоспособности законопроекта в нынешнем виде.

— В проекте закона множество неточностей с точки зрения юридической техники и логики, — отмечает Сергей Назаркин (Amond & Smith). — Самые большие вопросы вызывает тезис о том, что для признания лица контролирующим достаточно порога владения в 10%. Непонятно, как лицо с таким низким порогом может контролировать распределение прибыли: очевидно ведь, что для такого миноритария компания не может являться контролируемой. В общемировой практике этот порог достигает 50%. Кроме этого, в законопроекте отсутствует исчерпывающий перечень лиц, которых нужно считать контролирующими. Есть оговорка об «иных лицах» — а это создает широчайший простор для самоуправства государственным органам. Непонятны некоторые термины — например, что такое «фактическое право на доход». Закон бюрократичен, он заставит бизнес нести дополнительные издержки по сбору документов из офшора — а это подготовка кипы отчетности, проведение аудита, перевод документов на русский язык. Есть опасения, что с его принятием в стране ухудшится и без того не лучший инвестиционный климат.

На «сырость» поправок к Налоговому кодексу обращает внимание и Петр Ардашев («Клифф»). По его мнению, в российском законодательстве пока еще не существует механизмов принудительной реализации норм, прописанных в законопроекте. Налоговые органы попросту не смогут проверить соблюдение бизнесом всех требований. Для этого нужно наладить практику обмена информацией с офшорами, а ее внедрение пока затормозили экономические санкции.

Принуждение вообще не лучший способ заставить что-либо сделать. «Бизнес — это прежде всего свобода выбора, — вспоминает теорию «невидимой руки рынка» Дмитрий Кленов (UFG Wealth Management). — Чем больше императивного регулирования в той или иной отрасли, тем меньше бизнес-составляющей». Офшоры и сами с удовольствием начнут вставать в очередь на деофшоризацию, когда в стране будут созданы независимые суды, толковое корпоративное законодательство, появятся опытные юристы по международному праву. Другими словами, в ход пойдет не только кнут, но и пряник.

— Наши бизнесмены стремятся выводить деньги туда, где им безопасно, руководствуясь собственным горьким опытом, — резюмирует Александр Захаров. — Провал прошлой налоговой амнистии состоял в том, что бизнес могли привлекать к уголовной ответственности даже после того, как его «раскулачили» на уплату налогов. Деофшоризация в российском понимании — явление уникальное: нигде больше в мире местным бизнесом не владеют через третьи страны, чтобы защититься от третьих лиц или коррумпированных элементов. Соответственно, бизнес сможет выйти из тени и вернуться в Россию только при создании государством абсолютных гарантий его безопасности.

Иными словами, неплохо было бы для начала хотя бы чуть-чуть навести порядок дома — и лишь потом созывать блудных сыновей.

Готовимся к рекордам

Чистый вывоз частного капитала из России
(млрд долларов)

